

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ*

ЖЕСТКОЕ ЯДРО НОВОГО МАТЕРИАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ**

Получено: 17.09.2022. Рецензировано: 21.10.2022. Принято: 05.04.2023.

Аннотация: В статье представлено концептуальное описание жесткого ядра (в терминах Лакатоса) нового материализма в социальной теории, которое к настоящему моменту в социально-философском и социологическом дискурсе четко не определено. Существующая неопределенность базовых положений данного подхода ведет к тому, что исследователи не могут оценить объяснительный потенциал новоматериалистического подхода к анализу окружающей реальности, принимая его за новую версию эссенциализма или вариацию классической социальной философии, но с подвижными границами социального и материального. Концептуальное описание жесткого ядра происходит через соотнесение четырех базовых тезисов нового материализма, сформулированных конкретными авторами, работающими в данном направлении. Это тезисы о фокусировке на материи (Дж. Беннет, Р. Брайдотти); об акцентировании того, что материя делает, а не того, чем она является (М. Деланда, В. Латур); о материальности эмоций и чувств (Г. Харман); о локализации действия материальности (К. Барад, Л. Брайант). Помимо этого, в статье рассматриваются критические аргументы в отношении нового материализма, которые сформулированы исследователями без обращения к тезисам жесткого ядра, но на основании обобщенного представления о новоматериалистическом течении как разрозненном и не до конца структурированном подходе. Обсуждается слабость этих аргументов, а также производится попытка их отражения через обращение к идеям конкретных авторов ядра новоматериалистического подхода.

Ключевые слова: новый материализм, витализм, ассамбляжная теория, агентный реализм, онтикология, имматериализм, Латур.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-86-115.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В последнее десятилетие в социально-философском дискурсе большой популярностью пользуется тематика онтологического поворота в различных его проявлениях: через философское рассмотрение вопросов онтологической независимости материи (Попов, 2022; Феррарис, Попов, 2014; Писарев, 2020), а также в «объектно-ориентированной» социологической теории (Керимов, 2015). В рамках разработки данных вопросов

*Попов Евгений Владимирович, аспирант; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), evgeniipalמודov@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3041-2754.

**© Попов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в философии можно выделить два условных направления: спекулятивный реализм (Р. Брасье, Г. Харман, К. Мейясу, И. Грант) (Žižek, 2021: 640) и новый реализм (М. Феррарис, Л. Бейкер, Ж. Бенуа, М. Габриэль) (Попов, 2022). Оба течения пытаются вернуть в философский дискурс понимание реальности как материи/субстанции, для которой имманентна определенная степень независимости от человеческой активности, тем самым отвергая какие бы то ни было конструктивистские посылки. В рамках социологической традиции разработка онтологического поворота происходит через развитие, в частности, идей нового материализма, под эгидой которого собираются работы авторов, рассматривающих материальные объекты как независимые от человека и обладающие способностью к активному созиданию. При этом в пространстве нового материализма так и не появилось четкого обозначения его теоретического ядра, которое позволило бы упорядочить разрозненные (порой обнаруживающие изоморфизм, а порой «отдельно стоящие») положения нового материализма в трактовках различных его авторов. К примеру, Долфийн и Ван дер Тьюин относят к новому материализму К. Мейясу (Dolphijn & van der Tuin, 2012), а Т. Керимов — Г. Хармана (Керимов, 2015), хотя и Мейясу, и Харман являются скорее представителями спекулятивного реализма. А. Писарев рассматривает акторно-сетевую теорию отдельно от нового материализма (Писарев, 2020: 144), в то время как Н. Фокс и П. Аллдред включают латуровскую версию АСТ в рамки новоматериалистической традиции (Fox & Alldred, 2013: 15). Наблюдаемая неразбериха в определении границ нового материализма приводит к тому, что адекватное понимание ключевых посылок и исследовательской эвристики этого течения теоретической мысли затруднено.

В данной статье предпринимается попытка картографирования жесткого теоретического ядра нового материализма, исходя из его ключевых посылок/тезисов, в частности, четырех, которые были сформулированы Н. Фоксом и П. Аллдред:

- (1) В фокусе исследователя — материя/субстанция.
- (2) Акцент ставится на том, что материя делает, а не на том, чем является.
- (3) Эмоции и чувства обладают материальным измерением.
- (4) Сила материальных действий привязана к локальности (ibid.: 23–28).

Картографию на основе перечисленных новоматериалистических тезисов предлагается провести через их соотнесение с идеями конкретных авторов, в трудах которых разрабатывается проблематика соотношения

материального, культурного и социального в объяснении мира. В этой связи утверждается, что акцент на активности материи делается в работах Дж. Беннет (Bennett, 2004) и Р. Брайдотти (Брайдотти, Хамис, 2021; Braidotti, 2013), разрабатывающих версию материального витализма. Фокус на практическом аспекте действий материального может быть обнаружен в работах М. Деланда (DeLanda, 2002; 2016; Деланда, Майорова, 2018) и Б. Латура (Latour, 1994; Латур, Калугин, 2006; Латур, Полонская, 2014), пишущих о том, как происходит процесс собирания акторов в сети и ассамбляжи. Материальность чувств и эмоций вычитывается в работах Г. Хармана (Харман, Морозов и Мышкин, 2015; Харман, Писарев, 2018; Harman, 2011; 2016), который в «прикладной» версии своего спекулятивного реализма — имматериализме — описывает то, как через процедуру теоретизации чувственные качества могут стать реальными. О локальности силы материальных действий пишут К. Барад (Barad, 2003, Barad, 2014) и Л. Брайант (Брайант, Мышкин, 2019), разрабатывающие концепции интраакции и объект-системы, которые позволяют учитывать контекст того или иного объекта и действия его сил. В статье утверждается, что новый материализм в рамках социальной философии и социологической теории может рассматриваться как попытка создания новой гранд-теории, которая опирается на широкий круг авторов. Однако этот круг разделяется в данной статье на ядро и периферию. Отдельно отмечается, что корпус авторов, собранный в данной статье, и их суждения относительно базовых тезисов нового материализма, заданных Н. Фоксом и П. Аллдред, образуют ядро — фундамент этой новой гранд-теории. Пользуясь языком Лакатоса, можно сказать, что анализируемые в статье работы Дж. Беннет, Р. Брайдотти, Б. Латура, М. Деланда, Г. Хармана, К. Барад и Л. Брайанта — это жесткое ядро научно-исследовательской программы нового материализма, в то время как работы таких новоматериалистических авторов, как Вики Кирби, Диана Кул, Элизабет Грош, Донна Харауэй, Фэнг Чих — это некий периферийный «защитный пояс». Поскольку в фокусе данной статьи находится ядро нового материализма, в тексте не рассматриваются теории «защитного пояса». Чтобы консолидировать это ядро, следует проанализировать по отдельности каждый тезис в основании неоматериалистической теории (из предложенных Фоксом и Аллдред) в соотнесении с неоматериалистическими идеями авторов, рассматриваемых в данной статье как ядерные основоположники новой теории.

ФОКУС НА МАТЕРИИ: ВИТАЛИЗМ

Одна из ключевых посылок нового материализма в социальной теории — неприятие классического социологизма, сосредоточенного на остенсивно не определяемом «социальном», — новый материализм, напротив, сосредоточен на «данной нам в ощущениях» материи (Fox & Alldred, 2013: 23). Такой акцент не подразумевает полного отказа от анализа общества, но предполагает перестановку приоритетов, благодаря которой принятое с Нового времени деление на социальное и материальное (Латур, Калугин, 2006: 33) теряет свое важное априорное значение. Материя более не рассматривается как нечто, что существует само по себе или же благодаря ее различению, достижимому в обществе с его знанием относительно дихотомии «материя/сознание», но анализируется как то, что активно участвует в создании и функционировании общественного. В рамках нового материализма в социальной теории априори устанавливается то, что Мануэль Деланда назвал плоской онтологией, — равенство всех концептуальных аспектов в рамках объяснения общества (Fox & Alldred, 2013: 7). Иными словами, материальное и социальное рассматриваются как равные и активно действующие в процессе создания коллективов/сборок/ассамблежей силы. И если креативная сила социального слоя реальности наиболее полно отражается, например, в конструктивистских подходах, то самостоятельная сила материального ярче всего просматривается в виталистских материализмах, развиваемых, к примеру, Дж. Беннет (Bennett, 2004) и Р. Брайдотти (Брайдотти, Хамис, 2021; Braidotti, 2013). Их подходы исходят из виталистской предпосылки о том, что материя обладает собственной движущей силой, которая позволяет привести соотношение материального и социального к плоской онтологии, — то есть социальное и материальное посредством виталистского критерия уравниваются в правах и возможностях активно воздействовать на процессы созидания множественностей/коллективностей. В данном контексте целесообразно более подробно взглянуть на подходы вышеупомянутых исследовательниц, чтобы картографически обозначить первое из указанных ядерных положений нового материализма о фокусе исследователя на материи/субстанции.

Джейн Беннет в своих работах отталкивается от интуиций гилозоизма¹ Спинозы, который она трактует так: природа — это место, где тела

¹ Гилозоизм — это учение о всеобщей одушевленности материи, которое было введено в философский дискурс Р. Кедвортом в 1678 г. В Новое время гилозоистические идеи

создают союзы между собой, и это происходит всегда случайно и не контролируется кем-то в одиночку (Bennett, 2004: 354). Другим источником интуиций Беннет выступают работы физиолога Ханса Дриша. В своих естественно-научных разработках Дриш пытался обосновать менее пассивную форму существования материи через переработку и актуализацию аристотелевского понятия энтелехии (Дриш, Гурвич, 1915: 259). В трактовке Дриша энтелехия рассматривалась как немеханический агент, несущий ответственность за различные явления жизни. В частности, он писал о том, что энтелехия, являясь энергией, не способна создавать интенсивности, но может стопорить различные реакции, которые, согласно системным условиям, вероятны с точки зрения их происхождения. Дриш в своих работах приходит к тому, что энтелехия может быть рассмотрена как одна из форм активности живого (там же: 260). Беннет также указывает на то, что Дриш придавал энтелехии свойство упорядочивать тела и организмы (Coole & Frost, 2010: 52). Он исходил из той предпосылки, что механические машины, созданные человеком, не могут самовосстанавливаться в отличие от организмов, в которых действует некий специфический агент, обеспечивающий стимул и вызывающий процессы восстановления (например, процесс, когда потерянный хвост ящерицы вновь отрастает) (ibid.: 54). В общих чертах можно отметить, что Дриш пытался сблизить жизнь и материю без перехода к механистическому материализму и без обоснования некоторой метафизики души. Вместо этого он обосновывает версию витализма, подразумевающую развитие организма как результата автономии, собственной самой жизни (Дриш, Гурвич, 1915: 263).

Именно этот витализм Дриша и положила в основу своего материализма (thing-power materialism) Беннет. Название ее подхода возможно перевести как силовой материализм вещей. Данная версия материализма — это в целом попытка включить в аналитическую оптику современных исследователей креативность и изменчивость материи (гилозоизм),

развиваются Б. Спинозой. Лучше всего это прослеживается в его «Этике», на страницах которой он утверждает, что индивидуумы природы «хотя и в различных степенях, однако же все одушевлены» (Соколов, 1977: 84). Гилозоизм у него связан со стремлением создать онтологический фундамент под идею познаваемости мира, составляющей основу его рационалистической методологии; Спиноза именует душу, присущую каждой вещи, ее идеей. Идея в данном контексте понимается как объективная сущность, независимая от ума, но связанная с объектом. Таким образом, пансихизм Спинозы представляет собой одну из разновидностей гилозоизма (там же: 85).

далеко не часто предпринимаемая в существующих теоретических дискурсах. Беннет пытается показать, что деление на активно действующий социальный и пассивно подвергающийся преобразованию материальный слой не существует исконно, а является продуктом эпистемы Нового времени (Латур, Калугин, 2006: 33). В подтверждение приводится пример описания в этой эпистеме феномена «deodand», существовавшего в английской правовой системе до 1846 года. В случаях смерти или ранения человека некоторым предметом последний должен быть отдан богу или короне, чтобы компенсировать нанесенный им вред. Этот феномен, по мнению Беннет, показывает, что в определенный момент человеческой мысли предметы обладали активной и креативной силой или им ее приписывали. На возвращение такой силы в дискурс социальных наук и направлен ее силовой материализм вещей. Свой главный тезис Беннет подкрепляет опорой на Спинозу: материальное тело всегда находится внутри некоторой совокупности (Спиноза, 1999: Т. 1, 237), а его власть над вещами — это функция этой совокупности (Bennett, 2004: 354). Данные властные отношения обладают различной степенью стабильности и могут быть либо более долгими и устойчивыми, либо менее устойчивыми и краткосрочными. К примеру, в исторической перспективе совокупность, в которой взаимодействуют корова, человек, воздух и спора сибирской язвы, является более краткосрочной и менее устойчивой, чем совокупность *Influenza virus A* (грипп), человеческого организма и воздуха, так как человечество смогло победить сибирскую язву, в то время как грипп остается сезонным вирусным заболеванием и по сей день. Данный пример также иллюстрирует тот охват и степень власти, которые имеются у материального тела в рамках совокупности: если в контексте сибирской язвы можно говорить о распространенности власти, но ее слабости (так как в итоге сибирскую язву удалось взять под контроль), то в отношении гриппа можно также говорить о тотальности власти, при этом указывая на особую силу (например, способность к регулярной мутации), благодаря которой грипп до сих пор не побежден и вызывает локальные эпидемии. Таким образом, можно сказать, что силовой материализм вещей Беннет — это попытка свержения конструктивистских предпосылок в социальной теории, которые изымают материальность из анализа социального. Беннет создает оптику, переносящую творческий акцент на материю в ее гилозоическом понимании — независимую и действующую по своему усмотрению. При этом стоит отдельно отметить, что Беннет понимает

под материальностью ее органический слой — то есть природные аспекты. Это отличает ее взгляд, например, от философского подхода Линн Бейкер, которая в своих попытках ослабить конструктивистские предпосылки оперирует понятием артефакта — приспособленной под человеческие нужды материи (Baker, 2018). Отсюда один шаг до самой приспособленной такого рода материи — человеческого тела. Этот шаг делает в своей работе Розы Брайдотти, перенося акцент в критике индивидуализма и антропоцентризма на множественную идентичность (Брайдотти, Хамис, 2021; Braidotti, 2013).

Ее концепция основывается на работах большого числа авторов и множестве подходов — в том числе на ориентализм Э. Саида, новый историцизм М. Фуко, феминистскую теорию и инвайронментализм, но для целей данной статьи мы укажем лишь на то, что в контексте развития своего постгуманистического критического материализма (иногда Брайдотти называет свой подход виталистским материализмом, а также неоматериализмом (Dolphijn & van der Tuin, 2012: 93)) Брайдотти опирается на тексты Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Deleuz & Guattari, 1988). В частности, она развивает идею делёзо-гваттарианского материализма, который анализирует тело человека и иные материальные, социальные или даже абстрактные сущности как реляционные (созданные благодаря отношениям). Такие сущности, по мнению авторов, не имеют онтологического статуса или итоговой целостности, помимо созданной взаимоотношениями с другими условными телами, идеями, вещами (ibid.: 261). Цель, которой хочет добиться Брайдотти в своих работах, — расширение представлений о том, как индивиды взаимосвязаны между собой и другими, включая нечеловеческих других (Брайдотти, Хамис, 2021: 94). Брайдотти определяет субъекта своего материализма как множественную идентичность, состоящую из отношений и посредством отношений, при этом являющуюся внутренне дифференцированной (там же: 97). Для описания этой идентичности она обращается к концепции зое, под которой она понимает динамичную самоорганизующуюся структуру жизни вообще, генеративную витальность (там же: 118). По ее мнению, зое соединяет ранее разделенные сферы, категории или виды. К примеру, с этой точки зрения может быть проанализирован ассамбляж сексуальности как таковой. Под влиянием зое — биологического стремления к удовлетворению потребностей — люди начинают испытывать некоторое влечение друг к другу: оно может основываться либо на долгосрочных планах создания семьи, либо на краткосрочных планах удовлетворения физиологических нужд. Зое также приводит к тому,

что некоторое количество разрозненных ранее объектов (вне зависимости от их характера) начинают собираться вместе для определенных функций: это могут быть два тела, физиологические процессы, культурные контексты каждого участника, конкретная обстановка (например, исторический период или географическая область), воспоминания, наличествующий опыт отношений, неписанный кодекс поведения и многие другие объекты, релевантные для данного события. В результате локальной действующей власти зое образуется ассамбляж, который состоит из множества разнородных объектов, имеющих власть и способность действовать лишь в рамках данных отношений. Отдельно Брайдотти отмечает, что материя не должна рассматриваться как диалектическая противоположность культуре или технике, но ее следует анализировать как непрерывно связующую креативную силу, объединяющую эти слои реальности (Брайдотти, Хамис, 2021: 35). В общих чертах виталистический материализм Брайдотти критически направлен против индивидуализма, который захватил научный дискурс в эпоху Просвещения и продолжает властвовать в нем и по сей день. Восстановить плоскость онтологии через уравнивание материальности и социальности Брайдотти предлагает посредством придания креативности материи через концепцию зое. Введение в дискурс материализма зое позволяет рассматривать социальное и материальное как креативные слои реальности без превалирования какого-либо из них.

ФОКУС НА ТОМ, ЧТО ДЕЛАЕТ МАТЕРИЯ, А НЕ НА ТОМ,
ЧЕМ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ: АССАМБЛЯЖИ И СЕТИ

Вторая ключевая посылка нового материализма в социальной теории — это практический акцент на том, что материя делает: какие действия производит, какие практики осуществляет или какие союзы организует (Fox & Alldred, 2013: 24). Данная посылка основывается на том, что рассмотрение объектов как реляционных не может начинаться с некоторого априорного их определения, так как суть объекта образуется в системе некоторых отношений (это верно для подходов Дж. Беннет и Р. Брайдотти). Иными словами, описание того, что материя делает, по сути, и является описанием того, чем она является. Именно поэтому в рамках нового материализма исследователям нужно сначала сосредоточиться на производственных силах материи, чтобы описать, чем она является. Наиболее полно данный тезис нового материализма можно отследить в работах Бруно Латура (Latour, 1994; Латур, Калугин, 2006, Латур, Полонская, 2014) и Мануэля Деланда (DeLanda,

2002; 2016; Деланда, Майорова, 2018). Латур предлагает реляционную модель сетей взаимоотношений, которые формируются в рамках некоторой технологии (Латур, Полонская, 2014). Технология понимается им довольно широко — как какой-то способ связи объектов (акторов). При этом акторы в рамках таких сетей неоднородны: некоторые из них (проводники) гармонично выполняют свои функции, а некоторые (посредники) упрямятся и приводят технологию к сбою. Общая рамка Латуры сводится к тому, что все акторы редуцируются им к описанию их работы в рамках сети (там же). В свою очередь, Деланда, пытаясь развивать ризомные и номадологические идеи Жиля Дёлеза и Феликса Гваттари, создает свою ассамбляжную теорию, которая позволяет производить анализ объектов любого уровня, так как в рамках его подхода масштабируемость теряет смысл (что-то может быть микрообъектом по отношению к чему-то большему, но в то же время быть макрообъектом по отношению к чему-то меньшему) (DeLanda, 2016). Деланда особенно подчеркивает важность виртуальности, которая позволяет преодолеть схематизм и внести аспект казуальности в анализ (ibid.). Переход к ассамбляжам и сборкам от деятельной материи требуется, чтобы переключить фокус с сугубо философского анализа того, в чем заключается активность материи, на то, какими путями эта активность может быть исследована в прикладном аспекте.

Мануэль Деланда — автор самого термина «новый материализм», который был предложен им в одной из публичных устных дискуссий (Dolphijn & van der Tuin, 2012: 93). В своем подходе в рамках нового материализма, именуемого им ассамбляжной теорией, Деланда исходит из интуиций номадологии и ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Deleuz & Guattari, 1988). В общих чертах данные интуиции призывают отказаться от привычного бинарного деления мира, например, на социальное и материальное, а также от строгого детерминизма в науке и предлагают заменить его виртуальностью (вероятностью происхождения того или иного события). Под ассамбляжем Деланда понимает некоторый реляционный объект, который не может быть сведен к простой сумме свойств своих частей. Для ассамбляжной теории ключевыми являются две онтологические позиции: эмерджентность свойств и экстериторность отношений. Они указывают на то, что в фокусе анализа должны находиться некие совокупности, участвующие в производстве связанной множественности (Деланда, Майорова, 2018).

Для проведения ассамбляжного анализа и описания того, как материя работает, Деланда разрабатывает три аналитических параметра ассамбляжа (два параметра Деланда заимствует из корпуса текстов Делёза и Гваттари: *территоризацию/детерриторизацию*, а также *экспрессивность/материальность*, — но привносит в совокупность параметров свое видение, которое он выражает через параметр *кодирование/декодирование*). Данные параметры рекуррентны, а их итерации обуславливают расширение существующих или появление новых типов множественностей через пересборку компонентов (Деланда, Майорова, 2018: 28).

- (1) Параметр *территоризации/детерриторизации* относится не только к пространственной организации, но и к тому, насколько сильно гомогенизированы те или иные компоненты ассамбляжа, насколько тесны связи в ключевых узлах. В общих чертах можно сказать, что данный параметр направлен на анализ стабилизации или дестабилизации идентичности ассамбляжа и входящих в него более мелких ассамбляжей. Особый акцент в контексте данного параметра Деланда делает на механизме конфликта, который, по его мнению, склоняет к сплочению (DeLanda, 2016: 13).
- (2) Параметр *материальности/экспрессивности* направлен на анализ вспомогательных элементов солидаризации ассамбляжа, которые участвуют в его оформлении. Размышляя об экспрессивных компонентах ассамбляжа, Деланда отмечает, что их выразительность не должна сводиться к языковым и символическим элементам. Самым полезным примером-иллюстрацией может служить сходство габитусов людей, составляющих тот или иной ассамбляж, например касту. Люди, имеющие схожий вкус, схожие образцы поведения, проще могут солидаризироваться, если при проявлении этого самого габитуса они будут отмечать некоторые сходства (Деланда, Майорова, 2018: 21).
- (3) Параметр *кодирования/декодирования* предназначен для анализа языковых компонентов в установлении гомогенности/гетерогенности в рамках ассамбляжа. Как пишет сам Деланда, для того чтобы ассамбляж приобрел видимый компонент для исследования, он должен быть каким-либо образом обозначен в языке (DeLanda, 2016: 13). Так, например, организация обретает свои ассамбляжные свойства на основе закодированного с помощью языка устава, определяющего основные роли и позиции в ее рамках.

В фокусе внимания Деланда находятся также механизмы запуска этих параметров. Большинству ассамбляжей (и органических, и социальных)

присущи причинные механизмы запуска. Но причинно-следственная логика действует не всегда: иногда тот или иной факт может запустить определенный параметр, а может и не запустить (Деланда, Майорова, 2018: 29). Деланда особо выделяет такие механизмы, как побуждения и мотивы. Они характерны как для чисто социальных ассамбляжей, так и для социоматериальных и материальных.

Измерение указанных трех параметров, по мысли Деланда, должно способствовать ключевой цели любого исследователя, работающего в рамках ассамбляжного подхода, — измерению плотности связей в рамках того или иного узла отношений, степени солидаризованности элементов в рамках ассамбляжа через открытие актуальных механизмов (там же: 43). Деланда не обходит стороной и вопрос об онтологических модусах существования ассамбляжей. В своих текстах он выделяет два таковых: актуальный и виртуальный (там же: 43–45). Актуальный модус существования может быть соотнесен с причинно-следственным механизмом разворачивания ассамбляжа, в то время как виртуальный — с каталитическим (вероятным, но необязательным). Таким образом, виртуальный модус — это потенциальные возможности и направления разворачивания того или иного ассамбляжа, которые могут реализоваться в будущем при определенном стечении обстоятельств (там же: 28).

В общих чертах можно отметить, что ассамбляжный подход Деланда — это его попытка развития номадологических и ризомных идей делёзо-гваттарианства, которая направлена на смещение акцента с пассивности материи и активности социальных сил на их синтез в процессе образования устойчивых отношений.

Фокус на том, что делает материя, обнаруживается также в работах другого исследователя — Бруно Латура. Свои идеи Латур основывает на критике устоявшегося в период Нового времени видения, согласно которому материальное должно рассматриваться отдельно от культурного и социального (Латур, Калугин, 2006). Более полно его тезисы о неадекватности рассмотрения из социального отдельно от материального отражаются в критике идей социологизма Э. Дюркгейма, в рамках которой Латур демонстрирует, что социального как такового не существует, но есть большое количество сборок, состоящих как из материального, так и социального аспектов (Латур, Полонская, 2014). Ключевым тезисом акторно-сетевой теории Латура можно назвать идею об отсутствующем присутствии/делегировании/объекте-институте/множественном объекте. Ее суть заключается в том, что наличествующая здесь и сейчас

конкретная вещь не является автономно существующей. Так, например, Аннмари Мол (АСТ-исследовательница) (Мол, Гусейнова и др., 2017; Мол и Ло, Наранович и Флореньева, 2017, Mol, 2003, Mol & Law, 2004) рассматривает в одной из своих работ случай больных диабетом, для которых и измеритель уровня сахара крови, и яблоко в сумке для поднятия уровня гемоглобина, и шприц с инсулином являют собой один объект медицинской необходимости, который представлен множественностью дискретных элементов, обретающих свой особый статус и смысл только будучи соединенными в рамках конкретной практики по избеганию случаев диабетического приступа (Мол, Гусейнова и др., 2017). Точно так же и сам Латур рассматривал самолет как всего лишь материальную составляющую, приобретающую смысл только в рамках определенной системы отношений, которая позволяет самолету комфортно летать и комфортно садиться (Latour, 1994: 49). Таким образом, реальный объект (множественный объект, объект-институт) — это то, что работает в рамках определенной системы отношений между вещами, которые отсутствуют в конкретном моменте здесь и сейчас и функция которых делегирована определенной технологии. Исследование объектов в рамках технологии, по мнению Латура, должно основываться на критерии видимости работы, производимой со стороны составных частей. В одном из трудов он пишет, что

невидимая сила, не производящая изменений, не совершающая преобразований, не оставляющая следов и не входящая в отчет — это не сила. И точка. Либо она что-то делает [производит работу], либо нет (Латур, Полонская, 2014: 77).

В этой связи необходимо отметить разделение объектов в рамках акторно-сетевой теории Латура на проводников и посредников. Проводник понимается Латуром как стабильный, предсказуемый, свернутый, непрерывный и невидимый актор, который осуществляет предписанные ему в рамках сети функции без перебоев (Ерофеева, 2015: 32). К примеру, в сюжете Латура, связанном с самолетом, проводником будут диспетчерские рации, летное оборудование в системе самолета и т. п. В то же время посредник трактуется им как нестабильный, непредсказуемый, развернутый и видимый актор, который по какой-то причине не выполняет предписанные технологией функции (там же). В сюжете с самолетом им может быть вышедший из строя стабилизатор или же сломанный датчик дыма на борту. Таким образом, в теории Латура объекты неоднородны — то есть функционально отличны.

Подытоживая, следует заметить, что акторно-сетевая теория Латура — это его попытка критики социологизма, изымающего из своего анализа материальность как таковую. В рамках сетевого видения Латур делает акцент на реляционности объектов, которые обладают своими свойствами лишь благодаря тому, что находятся в некоторых отношениях. При этом нельзя не отметить, что в рамках материальной онтологии Латура за объектами как таковыми не остается никакой виталистской характеристики (как у Беннет, Брайдогги и частично Деланда), а сами объекты низводятся до описания того, что они делают (Харман, Писарев, 2018: 10)².

МЫСЛИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ЭМОЦИИ ИМЕЮТ МАТЕРИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ: РЕАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЧУВСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

В соответствии с одной из базовых посылок нового материализма эмоции и чувства обладают материальным измерением (Fox & Alldred, 2013: 26). Подобным тезисом новый материализм стремится преодолеть дуализм разума и материи через признание того факта, что в процессе производства и воспроизводства мира одинаковую роль могут играть как материальность, так и смыслы, связанные с ней. Наиболее полно данный стиль теоретизирования может быть проиллюстрирован творчеством американского философа Грэма Хармана, развивающего в своих работах, посвященных имматериализму, точку зрения, согласно которой в мире существуют материальные и чувственные объекты. Последние в его представлении — это различные совокупности эмоций в результате восприятия реального объекта.

Согласно Харману, реальный объект проявляет себя посредством чувственных характеристик, говорящих о том, что совокупность таких качеств является некоторым сенситивным эрзацем самого объекта. Это положение дел не должно означать, что такой эрзац объекта сам по себе является только чувственным — для него могут быть характерны и реальные (сущностные) качества. Подобное отыскивается Харманом у Мартина Хайдеггера, а точнее — в его пассажах, посвященных инструмент-анализу (Хайдеггер, Бибихин, 2003). Инструмент-анализ —

²Отдельно отметим, что в данном параграфе в отношении практического аспекта материи могут рассматриваться и представители ланкастерской ветви акторно-сетевой теории А. Мол и Дж. Ло (Мол, Гусейнова и др., 2017, Мол и Ло, Наранович и Флореньева, 2017; Mol, 2003, Mol & Law, 2004), но детальное рассмотрение их подходов выходит за рамки задач данной статьи. Более подробное изучение ланкастерской ветви АСТ представлено в работе, посвященной лакуне в их онтологическом анализе (Попов, 2021).

это идея, позволяющая анализировать вещи как «подручные» и непроблемные, до тех пор пока они не будут выведены из сокрытой от обыденного взора зоны «подручности» в область проблематичного «наличного» (Хайдеггер, Биbihин, 2003: 167–197). В контексте хармановского творчества можно сказать, что им предусматривается два вида объектов: реальные (такие объекты можно в соответствии с Хайдеггером назвать вошедшими в зону подручного) и чувственные (такие объекты можно в соответствии с Хайдеггером назвать вошедшими в зону наличного). Чтобы проиллюстрировать, какие взаимоотношения возможны между данными типами объектов, Харман выделяет 2 полюса:

- (1) Первый полюс, в рамках которого взаимодействуют чувственный и реальный объекты: так, чувственный объект — это шар, который можно увидеть при игре в бильярд, а реальный объект — это сумма химических, физических и иных характеристик, составляющих бильярдный шар в своей природе, но являющихся недоступными для человеческого восприятия. Таким образом, чувственными являются те объекты, которые воспринимаются человеком, а реальными — те, которые скрыты от человеческого восприятия (Попов, 2021: 265).
- (2) Второй полюс, в рамках которого взаимодействуют чувственные и реальные качества: так, чувственными качествами объекта могут считаться характеристики, которые способен воспринять индивид, — вес, плотность, цвет; реальные же качества не зависят от восприятия, они связаны с каким-либо объектом по его природе (там же).

Харман пишет о том, что в рамках этих двух полюсов возможны десять типов отношений (каждый с каждым и сам с собой) (Харман, Морозов и Мышкин, 2015: 83), но свое внимание он останавливает на четырех основных типах отношений:

- (1) реальный объект — реальные качества (сущность);
- (2) реальные качества — чувственный объект (эйдос);
- (3) чувственные качества — чувственный объект (время);
- (4) реальный объект — чувственные качества (пространство).

Для анализа третьего ядерного положения нового реализма (эмоции и чувства, которые в рамках данной статьи мы, упрощая, приравниваем к чувственным качествам, обладают материальным измерением — реальными свойствами) релевантным видится рассмотрение двух типов отношений: реальный объект — чувственные качества и реальные качества — чувственный объект. Еще раз отметим: Харман указывает на

то, что чувственные объекты и чувственные качества даны индивидам в опыте их феноменологической перцепции объекта. В то же время отмечается, что индивид не способен осуществлять перцепцию объекта во всей его полноте, так как его внимание может фокусироваться на некоторой части, концентрируя этим стиль чувственных качеств, которые далее и понимаются как объект (это, согласно Харману, следует считать чувственными качествами объекта). Но в рамках имматериализма реальные объекты — это вещи-в-себе, то есть они оперативно закрыты и поэтому не могут быть восприняты человеком. В этой связи следует говорить о реальном объекте, который «излучает» чувственные качества, воспринимаемые индивидом. Так выглядит тип отношений реальный объект — чувственные качества в рамках имматериализма Хармана. Другой тип отношений, который интересует нас, — это отношения чувственного объекта и реальных качеств. Под чувственным объектом Харман понимает некоторую сумму чувственных свойств, исходящую из процесса перцепции реального объекта. Такая совокупность чувственных характеристик может проявлять реальные качества, которые отделяют его от иных чувственных объектов (так, например, происходит отделение красного цвета от картины «Купание красного коня»). Взаимодействия, существующие в пределах двух обрисованных типов отношений, Харман описывает двумя видами процессов: аллюром и теорией. Первый из них он определяет как процесс объединения чувственных качеств, которые исходят из перцепции индивидом реального объекта (Харман, Морозов и Мышкин, 2015: 105). Данный вид отношений может быть проиллюстрирован, к примеру, эстетикой или искусством. Отношения теории описывают такой процесс, когда посредством аналитического инструментария концепций или понятий, основанных на предыдущем опыте перцепции (исследования) реальных объектов, мир рассматривается через отделение реальных качеств чувственного объекта (там же).

В целом оценивая имматериализм Хармана, можно сказать, что он пытается преодолеть не только ограничения, связанные с гипертрофированным пониманием социального, но и некоторые ограничения самого нового материализма. Так, в ряде своих работ Харман обращает внимание на то, что версия АСТ Латура сводит вещи к их простой активности, изымая из них глубину и самобытность, свойственную им (Харман, Писарев, 2018: 10). Именно с этим и связывается появление в творчестве Хармана оперативно закрытых объектов-в-себе, которые

не могут быть сведены к их практикам, потому что практика — это всего лишь чувственное свойство реального объекта, но не сам объект.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СИЛЫ ДЕЙСТВУЮТ ЛОКАЛЬНО:
ИНТРААКЦИЯ И СИСТЕМНЫЕ СВОЙСТВА

Четвертый тезис, на котором основывается новый материализм в социальной теории, это утверждение о том, что научный анализ мира должен фокусироваться на аффектах, действующих на уровне конкретных событий и действий (Fox & Alldred, 2013: 27). Эта идея логично вытекает из критики жесткости структур и тотальности объяснений. Взамен им новоматериалистическими авторами предлагается рассматривать реляционный характер объектов как ситуативный и контекстуальный, то есть расположенный в данном конкретном месте при данных конкретных условиях. Идеи Карен Барад и Леви Брайанта наиболее релевантны для иллюстрации этого тезиса нового материализма. Барад в рамках своего агентного реализма, основываясь на эпистемологии Нильса Бора, развивает идею главенства контекстуальности и ее влияния на смыслы и свойства объектов, опираясь на концепцию интраакции. Интраакция позволяет иначе рассматривать объекты через различное применение дискурсивных практик по отношению к феноменам, базовым взаимодействиям. В свою очередь, Брайант развивает собственную версию нового материализма — онтикологию, — отсылая к Аристотелю (Аристотель, Кубицкий, 1978), Никласу Луману (Луман, Газиев, 2007) и Грегори Бейтсону (Bateson, 1970). У Аристотеля (Аристотель, Кубицкий, 1978) Брайант заимствует понимание субстанции как реального носителя свойств и предпосылку отношений. В итоге субстанция у Брайанта развивается в тезис Г. Хармана о том, что объекты сами по себе остаются оперативно закрытыми для познания. Для того чтобы приблизиться к объектам, Брайант заимствует у Лумана (Луман, Газиев, 2007) и Бейтсона (Bateson, 1970) их системное видение и селективность информации, которая отличается от того или иного состояния системы (контекста).

Карен Барад в своих работах развивает версию нового материализма, которую именует агентным реализмом. Исходная позиция Барад — критика репрезентационизма, разделившего мир на онтологически разрозненные совокупности слов и вещей. Негативный аспект репрезентаций, по ее мнению, заключается в том, что человек не может прорваться за границы словесных определений объектов и, следовательно, не может приблизиться к изучению объектов как таковых (Barad, 2003: 197). Преодолеть описанный негативный аспект репрезентаций Барад

пытается через свое обращение к эпистемологии Нильса Бора, который пишет о том, что вещи не имеют изначальных границ и свойств, а слова не обладают изначально заданными значениями. Для него теоретические понятия представляют собой конкретные физические механизмы. Так, термин «положение» нельзя, по мысли Бора, считать четко определенным абстрактным понятием, так же как и невозможно помыслить его как атрибут вне зависимости от существующих объектов. «Положение» имеет смысл в той ситуации, когда имеется некоторый аппарат, позволяющий создать фиксированную систему отсчета расстояния. Кроме того, как утверждает Бор, вычисление такого «положения» при помощи аппарата не может осуществляться каким-то абстрактным объектом, поэтому объект, производящий замер расстояния, это свойство самого процесса измерения (Бор, 1970: Т. 2; Barad, 2003: 199). В итоге своих эпистемологических изысканий Бор приходит к тому, что пересматривает базовые дихотомии процесса познания (субъект познания, объект познания) и включает в эпистемологию элемент контекстуальности. В переработанном виде эпистемологические интуиции Бора Барад закладывает в основу своего подхода. В его рамках наблюдатель и наблюдаемое представляют собой неразделимые элементы в составе феномена. Под последним она понимает базовые онтологические взаимодействия без предшествующих отношений (реляции), то есть в рамках феномена рассматриваются объекты, которые не вступили в какие-либо отношения прежде (*ibid.*). Для Барад особенно важно сместить акценты с обычной интеракции объектов к локальной ситуации их взаимодействия. Этот шаг видится ей необходимым, так как абстрактное усредненное взаимодействие указывает на то, что его элементы заранее определены и вступают во взаимосвязь как обладающие некоторым набором свойств. Барад считает, что такое положение дел — пережиток репрезентационной картины мира. По ее мнению, свойства и характеристики объектов при их реляции каждый раз формируются не до взаимодействия, а непосредственно во время него. Более того, как пишет Барад, сами эти объекты не могут быть определены в качестве объектов до тех пор, пока они не вступят в отношения (Barad, 2014: 200). В этой связи она пересматривает понимание интеракции, которое предполагает предварительное наличие независимых объектов, через развитие термина «интраакция». Интраакция, согласно Барад, осуществляет разделение элементов, которые до вступления в интраакцию не были определены, в рамках конкретного феномена — на объект, субъект и иные части, например аппараты измерения (Barad, 2014: 175).

Барад подчеркивает, что интраакция обеспечивает агентную делимость, что ведет к экстериторности феноменов. Особого внимания в контексте подхода Барад заслуживает ее понимание аппаратов. Бор определял аппараты как особые физические механизмы, придающие смысл понятиям (Barad, 2003: 199). Барад, в свою очередь, смещает акцент в понимании аппарата с его механистического смысла и сдвигает его в сферу дискурса. Для нее аппарат — это исключаящие дискурсивные практики, посредством которых производятся материальные феномены. Можно сказать, что дискурсивные практики — это специфические материальные конфигурации мира, через которые устанавливаются локальные определения, границы, свойства и мысли (*ibid.*).

Таким образом, для агентного реализма Барад характерны следующие положения. Социальные науки должны рассматривать феномены — базовые варианты отношений, которые активно развиваются в пределах определенной интраакции. Та или иная интраакция — некоторый контекст ситуации и наличествующие условия — определяет не только функции элементов в рамках феномена, но и их смыслы и границы. Тот или иной смысл или граница определяется в рамках феномена в конкретной интраакции через аппараты — дискурсивные практики, посредством которых материя изменяет свое изначальное состояние, а также задает возможности для дальнейшего развития феномена. В этой связи Барад подчеркивает, что становление какой-либо вещи должно рассматриваться как действие, направленное на слияние агентов (*ibid.*).

Схожие акценты на контексте и локальности ставит Леви Брайант, называя свой новоматериалистический подход онтикологией. Брайант начинает с того, что возвращает в материалистический дискурс понятие субстанции: без него он не видит возможности для того, чтобы говорить о самостоятельности объектов. В рамках онтикологии полагается, что субстанция позволяет объекту производить локальные и адресные манифестации, под которыми Брайант понимает проявление им своих внутренних свойств. Принципиальная разница между указанными типами манифестации заключается в том, что локальная манифестация осуществляется при стечении системных обстоятельств, в то время как адресная манифестация («по запросу») происходит в результате воздействия на объект извне. Брайант акцентирует внимание на том, что субстанции объектов и их манифестации не есть одно и то же. В связи с этим субстанция в рамках онтикологии именуется *split-object* (Брайант, Мышкин, 2019: 70) — проще говоря, Брайант заимствует идею К. Берка о том, что субстанция представляет собой не что иное, как

разрыв между качествами объекта и реальностью объекта (Burke, 1945: 23). Такой шаг приводит Брайанта к выводу, что объект не может быть сведен к совокупности его качеств, так как они всегда отличны в различных контекстуальных (системных) обстоятельствах. Развивая идею субстанциональности, Брайант приходит к тому, что в любом объекте нужно отличать две его половины:

- (1) актуальную сторону, которая включает в себя качества и силы;
- (2) виртуальную сторону, которая включает в себя потенциальные возможности для манифестации (об этом более подробно упоминается в контексте творчества М. Деланда).

Так, Брайант продолжает интуицию Хармана и подмечает, что объект — его субстанция — является оперативно закрытым для человека, а его качества — чувственные характеристики в терминологии Хармана — это не объекты сами по себе, но то, чем они являются для окружающих объектов. Данный тезис приводит Брайанта к тому, что он ставит знак равенства между такими концептуальными элементами, как чувственные качества, информационные события и системные состояния Лумана (Луман, Газиев, 2007: 117; Брайант, Мышкин, 2019: 164). Заявленная Брайантом эквивалентность указанных элементов призвана снять напряжение с факта перцепции, когда вся работа возлагается на воспринимающего, а воспринимаемый объект рассматривается как статичный и не проявляющий себя. Помимо этого, указанная эквиваленция переносит внимание на сам воспринимаемый объект, который может «излучать» системную информацию о себе при наличии воздействия на него, а может и не «излучать» (Попов, 2021: 272). Принимая на вооружение взгляды Лумана, Брайант рассматривает тот или иной реальный объект как аутопойетическую (живые объекты) или аллопойетическую (неживые объекты) систему, которая продуцирует информацию для познающего объекта вне зависимости от того, человек это или иной материальный объект. Информация понимается Брайантом в луманианском стиле как событие, определяющее состояние системы, а также производящее различие (Луман, Газиев, 2007: 117; Брайант, Мышкин, 2019: 162). Проще говоря, интерпретация Лумана Брайантом дает возможность говорить о том, что закрытый для познания объект должен рассматриваться как система, которая при наличии возмущений из окружающей среды способна реагировать на них, производя (а иногда и не производя) некоторый корпус информации о своих качественных состояниях (Попов, 2021: 272). Важный аспект брайантовской онтикологии заключается в том, что качественные состояния, «переживаемые» той или иной

системой при определенных контекстуальных ситуациях, не рассматриваются в качестве других объектов как таковых, но рассматриваются в качестве специфичных свойств системы (Брайант, Мышкин, 2019: 164). К примеру, А. Мол в своем исследовании расценивает некоторые свойства атеросклероза как различные онтологически независимые объекты (Мол, Гусейнова и др., 2017). Брайант показывает, что ученый не вправе дробить объект, понимаемый как система, на составные части — ему следует подмечать каждое отличие как состояние всей системы целиком. Опираясь на Г. Бейтсона, Брайант определяет селективность информации, поступающей исследователю при изучении некоторого объекта (системы). Он пишет о том, что события в рамках системы энергетизируются (запускаются) получателем информации (Брайант, Мышкин, 2019: 158). Данный тезис демонстрирует, что в большинстве случаев система в конкретный изучаемый момент имеет определенные характеристики, которые могут быть принципиально отличными или отсутствовать вовсе в иных контекстуальных условиях. В этой связи исследователям следует говорить не о составных частях, выводя их в отдельную сферу бытия, но о системных качествах, присущих системе в конкретный момент исследования (Попов, 2021: 272). В общих чертах онтокология Брайанта может быть сформулирована в трех компактных тезисах:

- (1) Так как все объекты изначально оперативно закрыты (принципиально непознаваемы), доступ к ним возможен лишь через их качественную составляющую (чувственные свойства) посредством получения информационных откликов по запросам.
- (2) Корректное получение информации осуществимо только в рамках системы, поэтому анализируемый объект рассматривается как система.
- (3) Свойства системы не могут быть онтологизированы, поскольку содержание информационного события контекстуально, а информация — неполна (там же).

ОГРАНИЧЕНИЯ НОВОГО МАТЕРИАЛИЗМА?

Популяризация и развитие идей нового материализма не могли не привести к появлению корпуса текстов, направленных на критику данного подхода. Главное слабое место таких текстов — неопределенность критикуемого направления, которая существует в научном дискурсе. К примеру, А. Писарев рассматривает новый материализм только в лице

Р. Брайдотти и К. Барад (Писарев, 2020: 146), в то время как Т. Керимов описывает новый материализм, не обращаясь к конкретным персоналиям (Керимов, 2015). Данные авторы исходят из той позиции, что новый материализм представляет собой несистематизированную теорию (там же: 56), но тем не менее критикуют ее как полноценное научное течение с некоторыми базовыми положениями. Несмотря на это, данная критика имеет место и видится, что на нее можно ответить, исходя из обращения к конкретным исследователям, развивающим свои идеи в соответствии с описанными ранее интуициями нового материализма. В данной части статьи предлагается рассмотреть критические тезисы Т. Керимова, среди которых можно выделить следующие:

- (1) Определить границы сборки невозможно.
- (2) Онтологизация свойств приводит к упразднению множественности.
- (3) Наличие корреляционистского круга в новом материализме.
- (4) Наличие социоматериальных сборок говорит о том, что существование материальностей неразрывно связано с их социальным оформлением (там же: 60).

Первый тезис говорит о том, что в рамках нового материализма невозможно определить границы сборки. Под сборкой в данном случае следует понимать не только латуровское видение множественности, но и интраакцию Барад, ассамбляж Деланда и объект-систему Брайанта. Ответить на данный критический тезис можно сразу с нескольких позиций — например с позиции Брайанта, согласно которой граница системы объекта начинается там, где перестает поступать системная информация об объекте. Так, мы можем в соответствии с системным видением Брайанта наткнуться на границы системы больничного атеросклероза нижней части конечностей, о которой пишет Мол (Мол, Гусейнова и др., 2017). Граница в данном случае будет проходить по линии информационных сообщений системы атеросклероза, которые исследователь может уловить в процессе «воздействия» на атеросклероз в рамках больницы: липидограмма, стресс-тестирование, лодыжечно-плечевой индекс. Иные элементы, к примеру жалоба на опухание конечности, различные эластичные бинты, которыми обматываются конечности, не относятся к системе больничного атеросклероза, но могут быть отнесены к другой сборке — к системе бытового атеросклероза. Кроме точки зрения Брайанта, можно ответить на указанный критический тезис с позиций К. Барад. Для нее граница сборки — граница интраакции — проходит там, где заканчиваются участники взаимодействия

(феномена). Если развивать упомянутый ранее пример с больничным атеросклерозом, то можно сказать, что граница сборки (интраакции) проходит по линии врач-специалист, пациент с атеросклерозом, аппарат для проведения, например, липидограммы, некоторое количество крови, расшифровка липидограммы. Интраакция в таком составе придает атеросклерозу смысл, который зависит от того или иного уровня жира разных фракций в сыворотке крови.

Второй критический тезис направлен на то, что онтологизация свойств ведет к упразднению множественности по причине того, что установление границ приводит множество элементов к общему основанию. Данный тезис может быть ослаблен сразу по нескольким направлениям. Во-первых, согласно Брайанту, онтологизировать свойства исследуемых объектов вообще не стоит, так как это приведет к ситуации онтологической путаницы и фрагментаризации знания об объекте. Не стоит, исследуя что-то в темноте, считать каждую найденную на ощупь часть отдельной деталью. Во-вторых, говорить об общности основания в рамках нового материализма не совсем уместно. Можно говорить об общности катализатора (в терминах нелинейной причинности Деланда), об общности контекста интраакции (в терминах агентного реализма Баррад) или же об общности технологии (в терминах Латура). Но общность указанных вариаций первопричины той или иной множественности необязательно ведет к унификации ее элементов. Подобная общность скорее приводит к синхронизации активности элементов, которые собрались вместе для реализации общего замысла. Так, нельзя сказать о том, что нога на процедурном столе и игла для забора венозной крови — единый элемент, который описывается как атеросклероз. Данные элементы — это однопорядковые аспекты, направленные на манифестацию атеросклероза, но никак не что-то единичное.

Третий критический тезис в отношении нового материализма апеллирует к корреляционистскому кругу. В общих чертах этот тезис описывает ситуацию, когда у человека нет доступа к материальностям, которые не были бы связаны с актом мышления. И как только человек пытается помыслить что-то независимое от своего мышления, оно тут же становится его объектом (Керимов, 2015: 60). На это можно ответить с позиции имматериализма Г. Хармана. Он соглашается с тем, что материальность как таковая действительно оперативно закрыта для человеческого познания; но помыслить то, что закрыто от применения мыслительных ресурсов, невозможно — человеку под силу помыслить только определенные характеристики (чувственные качества) того или

иною материального объекта. Причем стоит отметить, что эти характеристики зачастую могут зависеть от контекста (Брайант, Барад). К примеру, если мы рассмотрим материальность воды, то на экваторе она будет иметь жидкое агрегатное состояние, в то время как на полюсах — твердое. Данные чувственные характеристики — это не сам объект, но только частичный срез. В этой связи корректно было бы сказать, что объектом нашего мышления становится не материальный объект-в-себе, а его чувственные характеристики. Мы не можем одновременно помыслить жидкий лед, потому что мы не можем помыслить материальность воды-в-себе — такой, какой она является по своей природе.

Четвертый тезис против нового материализма утверждает, что материальность напрямую зависит от ее человеческого оформления. В контексте новоматериалистического теоретизирования данный тезис может быть ослаблен с той точки зрения, что сама первопричина социальности, человек, — по своей природе результат материальных взаимодействий. Так, Деланда в рамках своего подхода рассматривает человека как ассамбляж, состоящий в своей основе из минералов, воды и воздуха, которые оказались в одной упряжке под влиянием определенного контекста эволюции (DeLanda, 2002). В этой связи следует отметить, что указанный критический тезис оперирует узким пониманием материальности как того, что возникло после появления человека. Принятие данной трактовки материальности тем не менее не позволяет говорить о том, что социоматериальное возможно только при прямом воздействии социального. Корректнее было бы сказать, что ситуация обстоит таким образом, что социоматериальные множественности оформляются как под воздействием материального, так и под воздействием социального. Собственно, это и есть главный посыл плоской онтологии Деланда. Отдельно не будем останавливаться на том, как под воздействием социального запроса формируется социоматериальная система первой медицинской помощи, включающая в себя кровати, капельницы, медсестер, нормативно-правовые акты. Но создание таких же множественностей возможно посредством автономного влияния материальности. Проще всего подобный сюжет проиллюстрировать посредством концепта посредника Латура (Латур, Полонская, 2014: 55–64), который может организовать вокруг себя некоторую сборку, направленную на возобновление адекватной работы технологии. К примеру, при поломке дефибриллятора (проводника) в карете скорой помощи образуется некоторая сборка, которая направлена на нормализацию работы системы здравоохранения в целом и конкретной кареты скорой помощи

в частности. В состав такой сборки могут входить дежурный фельдшер, запрос к начальнику станции скорой помощи, мастер по починке медицинского оборудования, специальные инструменты для ремонта и многое другое. Указанная множественность будет актуализирована под влиянием материальных сил.

ВЫВОДЫ

Новейшая версия социальной онтологии — новый материализм — обнаруживает существенную проблему, характерную для начального этапа своего развития. Эта проблема связана с неопределенностью т. н. жесткого ядра — тех ключевых идей, постулатов и, соответственно, авторов, которые позволяют констатировать появление этого нового подхода к социальной онтологии. Мы предполагаем, что ядром данной исследовательской перспективы могут считаться четыре тезиса, выдвинутые Н. Фоксом и П. Аллдред:

- (1) В фокусе исследователя — материя/субстанция.
- (2) Акцент ставится на том, что материя делает, а не на том, чем является.
- (3) Эмоции и чувства обладают материальным измерением.
- (4) Сила материальных действий привязана к локальности (Fox & Alldred, 2013: 23–28).

Но простого выдвижения тезисов недостаточно для дискуссий о существовании целого направления, которое претендует на роль новой гранд-теории, способной объяснить все: от появления человека как ассамбляжа минеральных и растительных элементов до технологии полетов. В этой связи мы ставим вопрос о соотношении базовых тезисов нового материализма с творчеством конкретных авторов, объединенных идеей о том, что социальные/культурные и материальные элементы мира должны рассматриваться как однопорядковые (плоская онтология). Так, акцент на том, что исследователям нужно обратить внимание на активность материи как таковой, можно найти в версиях витализма Дж. Беннет и Р. Брайдотти, которые указывают то, что материя это не простоеместилище форм социального — она обладает своей собственной витальной энергией (Брайдотти именует такую энергию *zoe*). Развитие тезиса, согласно которому исследовать нужно то, что материя делает, а не то, чем она является, обнаруживается в работах Б. Латура и М. Деланда, которые разрабатывают свои подходы (АСТ и ассамбляжная теория) как оптику для изучения того, как материальные объекты

способны организовывать коллективы вокруг себя. Идею материальности продуктов человеческого восприятия описывает в рамках своего имматериализма Г. Харман: он пишет о том, что чувственные качества реального объекта, ухваченные человеком в процессе перцепции, через процедуру теоретизации могут быть перенесены в сферу реального — то есть стать материальными. Локальность силы материи особенно четко в текстах описывают К. Барад и Л. Брайант, создающие в рамках своего агентного реализма и онтикологии концепции интраакции и объекта-системы, которые позволяют учитывать контекстуальные факторы появления и развития того или иного материального объекта.

Определение границ ядра нового материализма дает возможность выдвинуть и контраргументы против критики данного направления, которая может быть изложена в четырех тезисах:

- (1) Определить границы сборки невозможно.
- (2) Онтологизация свойств приводит к упразднению множественности.
- (3) Наличие корреляционистского круга в новом материализме.
- (4) Наличие социоматериальных сборок говорит о том, что существование материальностей неразрывно связано с их социальным оформлением (Керимов, 2015: 60).

Первый критический тезис был ослаблен через обращение к концепциям интраакции и объекта-системы, которые предлагают механизмы определения границ конкретного взаимодействия объектов. Второй тезис отвергается через апелляцию к идее о том, что онтологизация свойств в рамках нового материализма не должна происходить (тезис Брайанта), а множественность не может быть упразднена по причине общего основания. Общее основание может говорить о схожих интенциях в рамках сети/интраакции, но не о монолитном единстве элементов. Третий тезис о корреляционизме отвергается исходя из интуиций Г. Хармана, который пишет о том, что реальный объект не может быть схвачен человеком в процессе перцепции, но схваченными могут быть лишь его чувственные характеристики. Последний критический тезис ставится под сомнение через расширенное понимание материальности как того, что существовало до появления общества, и приведение контр-примера, которые в совокупности демонстрируют, что материальное обладает способностью к самоорганизации и включению в свой состав социального.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Категории / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1978. — С. 51—90.
- Бор Н.* Избранные научные труды : в 2 т. : пер. с дат. / под ред. И. Е. Тамма. — М. : Наука, 1970.
- Брайант Л.* Демократия объектов / пер. с англ. О. С. Мышкина. — Пермь : Гиле Пресс, 2019.
- Брайдотти Р.* Постчеловек / под ред. В. Данилова ; пер. с англ. Д. Хамис. — М. : Издательство Института Гайдара, 2021.
- Деланда М.* Новая философия общества : Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. С. Майоровой. — Пермь : Гиле Пресс, 2018.
- Дриш Г.* Витализм : Его история и система / пер. с англ. А. Г. Гурвича. — М. : Наука, 1915.
- Ерофеева М.* Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. — 2015. — Т. 27, № 1. — С. 15—40.
- Керимов Т. Х.* «Новый материализм» в социологии : онтологические последствия // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 462. — С. 56—62.
- Латур Б.* Нового времени не было : эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
- Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Луман Н.* Социальные системы. Общий очерк теории / под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. — СПб. : Наука, 2007.
- Мол А.* Множественное тело / под ред. А. Писарева, С. Гавриленко ; пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. — Пермь : Hyle Press, 2017.
- Мол А., Ло Д.* Воплощенное действие, осуществленные тела : пример гипогликемии / пер. с англ. С. Нарановича, Е. Флореньевой // Логос. — 2017. — № 2. — С. 233—262.
- Писарев А.* Сети, плоскости, материя : Об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник ТвГУ : Серия «Философия». — 2020. — Т. 51, № 1. — С. 144—157.
- Попов Е. В.* Онтологический анализ исследований ланкастерской ветви акторно-сетевой теории : от восприятия к объекту // Социологическое обозрение. — 2021. — Т. 20, № 3. — С. 261—279.
- Попов Е. В.* Новый реализм : Идеи и границы // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 67—73.
- Соколов В. В.* Спиноза. — М. : Мысль, 1977.
- Спиноза Б.* Сочинения : в 2 т. : пер. с лат. / под ред. К. А. Сергеева, И. С. Кауфмана. — СПб. : Наука, 1999.

- Ferraris M.* Что такое новый реализм? / пер. с итал. О. Поповой // Вопросы философии. — 2014. — № 8. — С. 145–160.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков : Фолио, 2003.
- Харман Г.* Четвероякий объект : Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. — Пермь : Гиле Пресс, 2015.
- Харман Г.* Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарев. — М. : Издательство Института Гайдара, 2018.
- Baker L.* Ontology Down-to-Earth // *The Monist*. — 2018. — Vol. 98, no. 2. — P. 145–155.
- Barad K.* Posthumanist Performativity : Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // *Journal of Women in Culture and Society*. — 2003. — Vol. 28, no. 3. — P. 801–831.
- Barad K.* Diffracting Diffraction : Cutting Together-Apar // *Parallax*. — 2014. — Vol. 20, no. 3. — P. 168–187.
- Bateson G.* Form, Substance and Difference // *General Semantics Bulletin*. — 1970. — No. 37. — P. 5–13.
- Bennett J.* The Force of Things : Steps toward an Ecology of Matter // *Political Theory*. — 2004. — Vol. 32, no. 3. — P. 347–372.
- Braidotti R.* The Posthuman. — Cambridge : Polity Press, 2013.
- Burke K.* A Grammar of Motives. — New York : Prentice-Hall, 1945.
- Coole D., Frost S.* New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics. — Durham, London : Duke University Press, 2010.
- DeLanda M.* Intensive Science and Virtual Philosophy. — New York : Bloomsbury Publishing, 2002.
- DeLanda M.* Deleuze : History and Science. — New York : Atropos Press, 2016.
- Deleuz G., Guattari F.* A Thousand Plateaus. — London : Athlone, 1988.
- Dolphijn R., Tuin I. van der.* New Materialism : Interviews & Cartographies. — Michigan : Open Humanities Press, 2012.
- Fox N. J., Alldred P.* The Sexuality-Assemblage : Desire, Affect, Anti-Humanism // *Sociological Review*. — 2013. — Vol. 61, no. 6. — P. 769–789.
- Harman G.* The Quadruple Object. — London : Zero Books, 2011.
- Harman G.* Immaterialism. — New York : Wiley, 2016.
- Latour B.* On Technical Mediation // *Common Knowledge*. — 1994. — Vol. 3, no. 2. — P. 29–64.
- Mol A.* The Body Multiple : Ontology in Medical Practice. — Durham : Duke University Press, 2003.
- Mol A., Law J.* Embodied Action, Enacted Bodies. The Example of Hypoglycaemia // *Body & Society*. — 2004. — Vol. 10, no. 2/3. — P. 43–62.
- Žižek S.* Less Than Nothing : Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. — London : Verso, 2021.

Popov, Ye. V. 2023. "Zhestkoye yadro novogo materializma v sotsial'noy teorii [The Hard Core of the New Materialism in Social Theory]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2), 86–115.

YEVGENIY POPOV

PHD STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-3041-2754

THE HARD CORE OF THE NEW MATERIALISM IN SOCIAL THEORY

Submitted: Sept. 17, 2022. Reviewed: Oct. 21, 2022. Accepted: Apr. 05, 2023.

Abstract: This article attempts to describe the hard core (in Lakatos' terms) of the new materialism in social theory, which has not been defined in scientific sociological discourse. The existing ambiguity in the basic premises of this approach leads to the fact that researchers need to assess the explanatory potential of the new materialist optics. They assume it is a new version of essentialism or a variation of classical sociology but with flexible boundaries between the social and the material. The conceptualization of the hard core takes place through a correlation of the four new materialism fundamental theses with specific authors working in this direction: about focus upon matter (J. Bennett, R. Braidotti); explore what matter does, not what it is (M. Delanda, B. Latour); thoughts, memories, desires, and emotions have material effects (G. Harman); material forces act locally (K. Barad, L. Bryant). Besides, based on the works of the mentioned authors, the article reflects critical theses concerning new materialist theorizing. The author concludes that the new materialism has every reason to be called a new grand theory within sociology whose explanatory success or failure can be discussed in the next decade.

Keywords: New Materialism, Vitalism, Assemblage Theory, Agential Realism, Ontology, Immaterialism, Latour.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-86-115.

REFERENCES

- Aristotle. 1978. *Kategorii [Categories]* [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 51–90. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Baker, L. 2018. "Ontology Down-to-Earth." *The Monist* 98 (2): 145–155.
- Barad, K. 2003. "Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter." *Journal of Women in Culture and Society* 28 (3): 801–831.
- . 2014. "Diffracting Diffraction: Cutting Together-Apart." *Parallax* 20 (3): 168–187.
- Bateson, G. 1970. "Form, Substance and Difference." *General Semantics Bulletin*, no. 37, 5–13.
- Bennett, J. 2004. "The Force of Things: Steps toward an Ecology of Matter." *Political Theory* 32 (3): 347–372.
- Braidotti, R. 2013. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
- . 2021. *Postchelovek [The Posthuman]* [in Russian]. Ed. by V. Danilov. Trans. from the English by D. Khamis. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.

- Bryant, L. R. 2019. *Demokratiya ob''yektov [The Democracy of Objects]* [in Russian]. Trans. from the English by O. S. Myshkin. Perm': Gile Press.
- Burke, K. 1945. *A Grammar of Motives*. New York: Prentice-Hall.
- Coole, D., and S. Frost. 2010. *New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics*. Durham and London: Duke University Press.
- DeLanda, M. 2002. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. New York: Bloomsbury Publishing.
- . 2016. *Deleuze: History and Science*. New York: Atropos Press.
- . 2018. *Novaya filosofiya obshchestva [A New Philosophy of Society]: Teoriya assablyazhey i sotsial'naya slozhnost' [Assemblage Theory And Social Complexity]* [in Russian]. Trans. from the English by K. S. Mayorova. Perm': Gile Press.
- Deleuz, G., and F. Guattari. 1988. *A Thousand Plateaus*. London: Athlone.
- Dolphijn, R., and I. van der Tuin. 2012. *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Michigan: Open Humanities Press.
- Driesch, H. 1915. *Vitalizm [Vitalismus]: Yego istoriya i sistema [Seine Geschichte und sein System]* [in Russian]. Trans. from the English by A. G. Gurchich. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Ferraris, M. 2014. "Chto takoye novyy realizm? [Che cos'è il Nuovo Realismo?]" [in Russian], trans. from the Italian by O. Popova. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, no. 8, 145–160.
- Fox, N. J., and P. Alldred. 2013. "The Sexuality-Assemblage: Desire, Affect, Anti-Humanism." *Sociological Review* 61 (6): 769–789.
- Harman, G. 2011. *The Quadruple Object*. London: Zero Books.
- . 2015. *Cheveroyakiy ob''yekt [The Quadruple Object]: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [in Russian]. Trans. from the English by A. Morozov and O. Myshkin. Perm': Gile Press.
- . 2016. *Immaterialism*. New York: Wiley.
- . 2018. *Immaterializm. Ob''yekty i sotsial'naya teoriya [Immaterialism]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Pisarev. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Heidegger, M. 2003. *Bytiye i vremya [Sein und Zeit]* [in Russian]. Trans. from the German by V. V. Bibikhin. Khar'kov: Folio.
- Kerimov, T. Kh. 2015. "Novyy materializm' v sotsiologii ['New Materialism' in Sociology]: ontologicheskiye posledstviya [Ontological Consequences]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, no. 462, 56–62.
- Latour, B. 1994. "On Technical Mediation." *Common Knowledge* 3 (2): 29–64.
- . 2006. *Novogo vremeni ne bylo [Nous n'avons jamais été modernes]: esse po simmetrichnoy antropologii [Essai d'anthropologie symétrique]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Ya. Kalugin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- . 2014. *Peresborka sotsial'nogo [Reassembling the Social]: vvedeniye v aktorno-sevuyuyu teoriyu [an Introduction to Actor-Network-Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Polonskaya. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Luhmann, N. 2007. *Sotsial'nyye sistemy. Obshchiy ocherk teorii [Soziale Systeme. Grundriss Einer Allgemeinen Theorie]* [in Russian]. Ed. by N. A. Golovin. Trans. from the German by I. D. Gaziyeu. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Mol, A. 2003. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.

- Mol, A., and J. Law. 2004. "Embodied Action, Enacted Bodies. The Example of Hypoglycaemia." *Body & Society* 10 (2-3): 43-62.
- . 2017. "Voploshchennoye deystviye, osushchestvlennyye tela [Embodied Action, Enacted Bodies]: primer gipoglikemii [The Example of Hypoglycaemia]" [in Russian], trans. from the English by S. Naranovich and Ye. Floren'yeva. *Logos [Logos]*, no. 2, 233-262.
- Niels, B. 1970. *Izbrannyye nauchnyye trudy [Selected Scientific Works]* [in Russian]. Ed. by I. Ye. Tamm. 2 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Pisarev, A. 2020. "Seti, ploskosti, materiya [Networks, Planes, Matter]: Ob upotreblenii ploskikh sotsial'nykh ontologiy [On the Use of Flat Ontologies]" [in Russian]. *Vestnik TvGU [Vestnik TVGU]: Seriya "Filosofiya" [Series "Philosophy"]* 51 (1): 144-157.
- Popov, Ye. V. 2021. "Ontologicheskyy analiz issledovaniy lankasterskoy vetvi aktorno-setevoy teorii [Ontological Analysis of the Research by the Lancaster Branch of Actor-Network Theory]: ot vospriyatiya k ob'yektu [From Perception to Object]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 20 (3): 261-279.
- . 2022. "Novyy realizm [New Realism]: Idei i granitsy [Ideas and limits]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, no. 477, 67-73.
- Sokolov, V. V. 1977. *Spinoza [Spinoza]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Spinoza, B. 1999. *Sochineniya [Works]* [in Russian]. Ed. by K. A. Sergeev and I. S Kaufman. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Yerofeyeva, M. 2015. "Aktorno-setevaya teoriya i problema sotsial'nogo deystviya [Actor-Network Theory and Problem of Social Action]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 27 (1): 15-40.
- Žižek, S. 2021. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso.